



ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЭТНОГРАФИИ И АНТРОПОЛОГИИ

Я. Я. РОГИНСКИЙ

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА *

Этнограф, занимающийся ранними этапами развития культуры, периодизацией первобытного общества и его зачатками, не может пройти мимо тех вопросов, которые возникают при изучении процесса происхождения человека — носителя культуры и строителя общества. Понятно, что наиболее близко касается интересов этнографа последний период процесса антропогенеза, завершающийся появлением человека современного типа (*Homo sapiens*), обозначаемого рядом авторов словом «неоантроп».

Важнейшие вопросы, поднятые наукой в отношении этого конечного этапа, таковы. Кто был ближайшим предком неоантропа и, в связи с этим, какова относительная древность последнего? Появился ли неоантроп в одной более или менее ограниченной области Старого Света или превращение его предка и возникновение человека современного типа осуществилось в отдаленных окраинных областях в результате параллельных, независимых друг от друга процессов? Наконец, в чем существо тех отличий, которые разделяют неоантропа и его предшественников, т. е. неандертальцев (палеоантропов) и еще более древних гоминид — синантропов, питекантропов и родственных им форм (архантропов)?

Антропологи, основывающие свои исследования на принципах диалектического и исторического материализма, придерживаются убеждения, что человек, будучи связан по своему происхождению с животным миром, в то же время глубочайшим образом отличается от животных. В результате долгого и сложного процесса развития человеческого рода возникло существо качественно иное, чем предки человека. Вследствие этих принципиальных различий между людьми и их предшественниками — наиболее высоко развитыми приматами — всякий перенос биологических закономерностей на человеческое общество методологически недопустим и несостоятелен с точки зрения фактических данных антропологической науки.

Не менее важно положение, согласно которому возникновение человека следует изучать как естественный процесс, в течение которого под влиянием трудовой деятельности возникали специфически человеческие свойства, сделавшие возможным в конечном итоге появление подлинного, сложившегося общества.

Если в среде советских антропологов правильность этих общих положений не вызывает сомнений, то в истолковании отдельных конкретных

* Доклад на этнографическом совещании, происходившем в мае 1956 г. в Ленинграде.

вопросов антропогенеза имеется еще немало расхождений и оттенков мнений у различных исследователей.

Не ставя своей задачей рассмотреть все или даже важнейшие попытки разрешения поставленных выше вопросов, кратко изложу некоторые достаточно широко распространенные среди антропологов взгляды, которые разделяю и я. Предком неантропа, *Homo sapiens*, был палеоантроп, т. е. тип человека, обладавший многими существенными чертами, характерными для неандертальцев. В то же время этот предок, по всей вероятности, отличался некоторыми особенностями от так называемых «классических» неандертальцев, известных нам по находкам мустьерского времени Западной Европы (Неандерталь, Мустье, Спи I и II, Шапельль, Ля Феррасси и др.). Есть основание думать, что тот палеоантроп, от которого произошел человек современного типа, сочетал в себе черты палеоантропа в их примитивной форме с некоторыми признаками, уже приближавшими его к неантропу. В связи с этим предполагается, что сложившийся неантроп геологически моложе палеоантропа.

Произошел ли процесс превращения палеоантропа в неантропа во многих местах или следует выделить одну область, где осуществилось становление человека современного типа? Мы придерживаемся последнего взгляда и полагаем, что неантроп сложился в одной, хотя и обширной, области, куда входили Передняя Азия и прилежащие страны. Не исключено, что Кавказ, с одной стороны, и Южная Азия, — с другой, должны быть включены в эту территорию. Наконец, в вопросе о наиболее важных отличиях современного человека от его ближайшего предка ряд антропологов придерживается того мнения, что только неантропу удалось завершить формирование человеческого общества в полном смысле этого слова и что физические особенности неантропа делали для него возможным обладание развитой членораздельной речью и сложившимся человеческим мышлением.

Изложенные взгляды разделяются не всеми исследователями, и разногласия по упомянутым вопросам проявились в более или менее новой форме в связи с некоторыми находками ископаемых людей, сделанными в течение последнего десятилетия. На Западе некоторые ученые отстаивали и отстаивают гипотезу о том, что уже в начале плейстоцена жил сложившийся *Homo sapiens*, что современный человек был связан с домустьерской культурой. Для обоснования этого тезиса ссылались на многочисленные находки в пределах Западной Европы (Мулен — Киньон, Клиши, лондонский череп и др.) и в экваториальной Африке (Канам, Кипжера). Все эти находки, однако, оказались либо чрезвычайно плохо цитированными, либо заведомо непригодными для научного использования.

Гораздо большего внимания заслуживают ссылки на сванскомбский фрагмент человеческого черепа (юг Англии, 1936 г.), датируемый археологически ашэлом, и два фрагмента черепа человека из пещеры Фонтешевад (Франция, 1947). Исследования ряда авторов показали, что сванскомбский череп (у которого не сохранилось переднего отдела лобной кости) не мог принадлежать человеку современного типа. Детальное исследование остатков человека из пещеры Фонтешевад, произведенное Л. Валлуа, привело его к аналогичному и вполне убедительному выводу о том, что люди из Фонтешевад по ряду признаков были гораздо примитивнее, чем *Homo sapiens*, хотя весьма отличались и от неандертальцев. Все остальные известные в науке раннемустьерские или домустьерские находки относились к палеоантропам или к еще более архаичным формам (в Европе — Мауэр, Монморен, веймарские остатки, Саккопасторе, Штейнгейм, Крапина, Гановцы, Киик-коба; в Африке — Рабат, Эясси, Салданха (Салданья), атлантропы; в Азии — питекантропы и синантропы). Отсюда, повидимому, следует, что в раннемустьерском и домустьерском периодах подлинного, сложившегося неантропа не существовало.

Значительно сложнее вопрос о том, каков же был морфологический тип предка современного человека?

Широкое распространение в антропологии за последние годы получила теория пресапиенса (*praesapiens*). Этот термин стал применяться наиболее систематически после работы Герхардта Хеберера в 1950 г.¹ Одна из наиболее интересных сделанных за последние годы попыток, осветить родословную человека современного типа на основе теории пресапиенса, содержится в статье профессора А. Валлуа «Неандертальцы и пресапиенсы»², представляющей собой традиционную меморальную лекцию, посвященную памяти Томаса Гексли.

В защиту гипотезы о пресапиенсе Валлуа прежде всего приводит несколько соображений об отсутствии прямой родственной связи между неандертальцами и ориньякскими людьми в пределах Западной Европы. Превращение западноевропейских неандертальцев в кроманьонцев, действительно, мало вероятно, если учитывать такие особенности неандертальцев, как укороченное предплечье, укороченная голень, своеобразное утолщение наружного края лопатки, удлиненность локтевого отростка, уплощение верхнего отдела локтевой кости, расширенность эпифизов первой пястной и проксимальной фаланги первого пальца, развитие в вышину таранной кости, большая ширина носовых косточек, особенно в нижнем их отделе, заостренный край грушевидного отверстия, большая полость коренных зубов (тавродонтизм). В своей совокупности эти особенности не позволяют видеть в неандертальце промежуточное звено между высшей обезьяной и современным человеком. К этим фактам присоединяются другие: резкие морфологические различия между классическими неандертальцами и раннеориньякскими людьми в Западной Европе и быстрота смены первых последними.

Сторонники теории пресапиенса справедливо указывают далее, что в находках сванскомбской и фонтешевадской, более древних, чем Шапельль, Спи, Ля Феррасси, Ля Кина и др., имеются прогрессивные черты, которые позволяют считать их несколько более близкими к *Homo sapiens*, чем классических неандертальцев. Последние оказываются по типу более далекими от нас, чем их древние предшественники на территории Западной Европы. Все эти положения убедительны. Заслуживает внимания округлая форма затылка сванскомбского черепа, менее наклонный лоб у Фонтешевад II. Особого упоминания заслуживает отсутствие надглазничного валика на маленьком фрагменте лобной кости Фонтешевад I; наличие у него лобной пазухи высотой до 25 мм заставляет признать большую вероятность принадлежности этого фрагмента взрослому индивиду. С полной уверенностью, впрочем, этого утверждать нельзя, так как мы не знаем сроков появления пневматизации костей у раннемустьерских детей.

Выше упоминалось о том, что все остальные, известные нам и в Европе, и за ее пределами остатки человека раннемустьерского и домуюстьерского возраста близки к неандертальцам или еще более примитивны. На этом основании сторонники теории пресапиенса названные формы резко противопоставляют в качестве пренеандертальцев людям из Сванскомба и Фонтешевада, являющимся истинными пресапиенсами.

Это выделение людей из Штейнгейма, Веймара и Монморена (к которым можно было бы присоединить еще людей из Крапины) в качестве пренеандертальцев, якобы принципиально отличных от пресапиенсов, как мне кажется, не может считаться доказанным. Прежде всего отмечено, что у названных пренеандертальцев имеются черты, сближающие их с

¹ G. Heberer, Das Praesapiens-Problem, «Moderne Biologie, Festschrift zum 60. Geburtstag von Hans Nachtsheim», Berlin, 1950.

² Henri V. Vallois, Neandertals and Praesapiens, «The Journal of the Royal Anthropological Institute», vol. 84, Part I and II, Jan.-Dec. 1954.

Homo sapiens: таковы округлый затылок, низкие орбиты черепа из Штейнгейма, сравнительно высокий свод черепа из Эрингсдорфа, тенденция к брахикефалии у крапинцев. Сужение лба (выражаемое малой величиной фронтобиорбитального индекса) меньше у пренеандертальца из Штейнгейма (87,1), чем у классических неандертальцев из Ля Шапель (85,1), и Спи I (84,5), Ля Кина (82,6). С другой стороны, не следует недооценивать и многих примитивных черт, например, черепа из Сванскомба. Этот пресapiенс по таким признакам, как отношение ширины затылка к высоте черепа, отношение теменной хорды к теменной дуге, указатель затылочного отверстия, расстояние между точкой «инион» (скрещивание затылочных линий) и внутренним затылочным бугром, большая толщина костей свода, явно сближается с неандертальцами. То же можно сказать и относительно слепка мозговой полости черепа из Сванскомба, показывающего уплощение свода, низкое положение наибольшей ширины, малое развитие височной доли. Аналогичные черты примитивности были указаны А. Валлуа для черепа Фонтешевад II. Замечательно, что по отношению высоты свода к ширине затылка (86) Фонтешевад II не только гораздо ниже неантропа (106), но и ниже неандертальца (94,5) и даже чуть ниже синантропа (87). Учитывая, что при определении типа решающую роль играет комплекс признаков, а не изолированные черты (даже столь важные, как отсутствие надглазничного валика у Фонтешевад I), мы, вместе с Серджио Серджи, не склонны придавать существенного значения различиям между пресapiенсами и пренеандертальцами и, следовательно, считаем возможным сохранить понятие «неандертальской фазы» в том расширенном смысле, о котором шла речь выше³. Это положение приводит к представлению о разнообразии антропологического состава предшественников современного человека, обладавших в целом гораздо большей примитивностью, чем *Homo sapiens*. Это же положение избавляет от необходимости объяснять, каким образом на маленьком пространстве Западной Европы, т. е. на одном и том же клочке земли, чередовались две совершенно разные линии эволюции.

Последние находки в пещерах горы Кармел, а, может быть, и находка в Староселье, невольно направляют взоры исследователей на восток от Западной Европы и побуждают там искать те исходные формы палеоантропов, от которых пошло развитие в сторону *Homo sapiens*. Можно предположить, что где-то в западной части азиатского материка, в обширной области Передней Азии и прилежащих территорий, начиная с первой половины мустьерского времени, а, может быть, с начала мустье, от древних палеоантропов обособилась линия, впоследствии закончившаяся появлением неантропа на рубеже мустье и позднего палеолита. Однако возникает вопрос: могло ли хватить времени для этого процесса? Иначе говоря, достаточной ли была длительность мустьерского периода для того, чтобы ранние палеоантропы в названной области превратились в людей современного типа?

Не буду обсуждать геологическую периодизацию палеолита. Это не входит в мою компетенцию. Насколько я могу судить, вряд ли длительность мустьерского периода определяется цифрой меньшей, чем сто тысяч лет. Если даже основываться, например, на хронологии, принимаемой большинством западных археологов, и отнести мустье к рiss-вюрму, вюрму I и частично вюрму I—II, то по Зергелю это дало бы общую продолжительность примерно около 100 000 лет. Примерно такого же мнения придерживаются чехословацкие археологи. Трудно в категорической форме утверждать, что этот срок достаточен, или, наоборот, отстаивать противоположное мнение. Следует, однако, учесть, что вообще эволюция мозга от австралопитека до современных людей шла исключительно бы-

³ Я. Я. Рогинский, Основные антропологические вопросы в проблеме происхождения современного человека, Сб. «Происхождение человека и древнее расселение человечества», Труды Ин-та этнографии АН СССР, т. XVI, М., 1951.

стро и привела к огромным и разносторонним изменениям структуры коры головного мозга за период весьма сжатый — не более одного миллиона лет. Для возникновения же подвидовых различий у животных Джорж Симпсон, Эрнст Майр и другие специалисты признают достаточными очень короткие сроки — несколько тысяч лет. Таким образом, возможность развития неантропа из древнего палеоантропа в течение мустьерского периода отнюдь не исключена.

Мы перешли к другой важной проблеме — в одной или многих областях возник человек современного типа? Считаю необходимым напомнить, что полицентризм не означает полифилию. В нашей литературе обозначились две точки зрения на этот вопрос. Лично я примыкаю к тому мнению, что теория моноцентризма более согласуется с фактами, хотя я не думаю, чтобы та область, где совершалось превращение палеоантропа в неантропа, была очень узкой. Что нового в этом вопросе дали последние находки ископаемых людей?

Прежде всего следует отметить, что скелет младенца позднемустьерского времени, найденный в 1953 г. А. А. Формозовым под Бахчисараем в Староселье, не нарушает изложенной выше схемы. Эта находка позволяет последовательно развить и продолжить те выводы, которые вытекали из находок в Палестине. Неандертальские люди из пещер горы Кармел датируются развитым мустье и обладают большим числом признаков современного человека. Ребенок из Староселья датируется самым концом мустье и обладает лишь пережитками неандертальской стадии. Можно считать доказанным, что староселец ближе по типу к ребенку Схул I, чем к гибралтарскому ребенку, достаточно характерному для западных мустьерцев⁴. Находка в Староселье, повидимому, показывает, таким образом, что эволюция палеоантропов шла более быстрым ходом в центральных областях эйкумены, чем на ее далекой периферии. Дополняя то, о чем свидетельствовали уже находки на горе Кармел, старосельская находка, как на это указывал В. П. Якимов, подтверждает гипотезу моноцентризма⁵.

В согласии с теорией широкого моноцентризма находятся также те результаты, которые были получены при изучении антропологического типа скелета из ориньякско-солютрейского слоя на стоянке Маркина гора, раскопанной в 1954 г. А. Н. Рогачевым. Подробное изучение Г. Ф. Дебецом этого скелета, принадлежащего мужчине 20—25 лет, показало замечательное сочетание признаков, из которых одни сходны с европейскими, другие — с негрскими, третьи — с чертами кроманьонского типа⁶. Напомню слова К. А. Тимирязева: «Главное обстоятельство, которое останавливает на себе внимание эволюциониста, это — обилие в ископаемом состоянии так называемых коллективных или синтетических типов, — типов, очевидно, совмещающих в себе признаки форм, теперь обособившихся и, в силу действия начала расхождения признаков, разделенных глубокими промежутками»⁷.

Своеобразный синтетический тип представляет собой и череп № 101 из верхнего гота Чжоу-коу-дянь, сходство которого одновременно с кроманьонцами Европы и с монголоидами вряд ли можно оспаривать.

Аналогичная картина обнаруживается при рассмотрении тех данных по неолиту, точнее, по энеолиту Южной Сибири, которые представил В. П. Алексеев в своей диссертации «Палеоантропология Южной Сибири (Алтае-Саянское нагорье)». Не исключено, что эти черепа с их уплощен-

⁴ Я. Я. Рогинский, Новая находка мустьерского человека в СССР. Морфологические особенности черепа ребенка из позднемустьерского слоя пещеры Староселье, «Сов. этнография», 1954, № 1.

⁵ В. П. Якимов, Проблема соотношения ископаемых людей современного и неандертальского типов, «Сов. этнография», 1954, № 3.

⁶ Г. Ф. Дебец, Палеоантропологические находки в Костенках, «Сов. этнография», 1955, № 1.

⁷ К. А. Тимирязев. Избр. соч., т. III, 1949, стр. 501.

ными лицами, но малой высотой лица и низкими орбитами, могут быть охарактеризованы как протомонголоидные, сохранившие еще в какой-то мере сходство с европейскими кроманьонцами. Решение этого вопроса несколько затрудняется ранним проникновением протоевропейских вариантов в степные области Южной Сибири и малой древностью упомянутых черепов. Однако в пользу существования в неолите особого варианта монголоидной расы с низким лицом говорит наличие отдельных черт этого варианта среди современных народностей Сибири в бассейне Енисея, описанных М. Г. Левиным, Т. А. Трофимовой и Г. Ф. Дебецом. Все эти факты легко укладываются в гипотезу широкого моноцентризма и труднее согласуются с полицентрической гипотезой Вейденрейха. Если, в самом деле, уже синантропы были монголоидами, родезийцы — негроидами, питекантропы — австралоидами (как считал Вейденрейх), то неясно, откуда же появляются в верхнем палеолите и сохраняются позднее синтетические типы.

Против теории моноцентризма выдвигаются, однако, возражения различного рода, в частности такие факты, как непрерывная преемственность в технике оббивки галек, преемственность, которую можно проследить в Восточной Азии от синантропа до эпохи мезолита включительно. Известную трудность для изложенной моноцентрической гипотезы представляет также тонкое строение скелета из Маркиной горы, мало согласующееся с нашим представлением о предках кроманьонцев. Впрочем, общий их предок мог быть более массивен. Очевидно, что проблема эта требует дальнейших разносторонних исследований.

Коротко остановлюсь на вопросе о месте древних и древнейших гоминид в процессе человеческой эволюции. В течение последних лет обозначилось несколько различных мнений по этому вопросу, из которых я упомяну следующие.

Одна точка зрения, в сжатой форме изложенная А. Я. Брюсовым, отрицает какие бы то ни было глубокие качественные отличия в развитии речи, мышления, сознания между неоантропом и его предками палеоантропами и архантропами. С этой точки зрения всех гоминид, начиная с питекантропа, следует считать готовыми, сложившимися людьми, людьми в полном смысле слова⁸. Другая, противоположная, также крайняя точка зрения, высказанная Б. Ф. Поршневым, заключается в том, что все гоминиды до конца мустье или даже до позднего палеолита не были людьми и что в основе их действий по выделке орудий лежали цепи безусловных рефлексов, хотя и весьма усложненные многообразными условными связями⁹.

Начну с последней точки зрения. Антрополог ни в каком случае не может согласиться с тем, чтобы для высшей нервной деятельности древних гоминид, существ, производивших орудия труда, аналогии отыскивались у бобров, возводящих плотины и строящих хатки, у дятлов, пчел и пауков. Невозможно допустить, чтобы между ямкой, которую выдалбливают в коре дятлы, и ашельским рубилом, устанавливалось глубокое внутреннее сходство, а между ашельским орудием и солотрейским накопечником прокладывалась почти непроходимая пропасть. Данные морфологического исследования показывают, что квадратический весовой указатель мозга $\left(\frac{E^2}{S}\right)$ у древнейших гоминид превосходил более чем в 200,

а у древних гоминид — более чем в 400 раз весовой указатель мозга бобра. Такое колоссальное превосходство в массе мозга, сопровождающееся не меньшим превосходством в смысле совершенства его структуры,

⁸ А. Я. Брюсов, Г. А. Меликишвили, Г. Ф. Ильин, С. И. Ковалев, История древнего мира. Учебник для учительских институтов... (Рец.), «Вестник древней истории», 1953, № 2; А. Я. Брюсов, Происхождение человека и древнее расселение человечества (Рец.), Там же.

⁹ Б. Ф. Поршнев, Материализм и идеализм в вопросах становления человека, «Вопросы философии», 1955, № 5.

не может не быть связано с огромными изменениями высшей нервной деятельности.

Далее, не следует забывать, что даже в поведении антропоморфных обезьян врожденный стереотип играет подчиненную роль и гораздо большее значение имеют иные, а именно, динамические, сильнее всего варьирующие у разных индивидов, приобретаемые в процессе опыта, стереотипы. Эти выработанные, корковые стереотипы оказывают тормозное влияние на примитивные реакции. Невозможно, ведя родословную человека от антропоидных предков, отходить одновременно и назад и вбок на совершенно иную линию эволюции, на линию развития врожденных норм поведения. Таких прегоминид никогда не существовало.

Среди различных особенностей слепка мозга питекантропа и синантропа отмечено значительное разрастание, по сравнению с антропоморфной обезьяной, задней области височной доли. Исследования С. М. Блинкова показали, что тонкое гистологическое строение этой зоны резко отличается человека от антропоморфных. Это поле делится у человека на 6 отчетливых подполей, а у обезьян только на 2; оно занимает у человека, кроме того, относительно большую площадь¹⁰. На основании топографического положения 37-го поля между зрительной и слуховой зонами, а также на основании клинических данных, можно полагать, что это поле связано с речью. Таким образом, законно предполагать начатки речи уже у древнейших людей.

Чтобы изготовить шелльское и тем более ашельское рубило, надо было обладать хотя бы смутным понятием о свойствах этого рубила и об его назначении. Многие десятки разнородных двигательных операций при его изготовлении вряд ли могли происходить на основе простой цепи реакций, из которых одна автоматически порождала собой другую. Естественнее предположить, что все эти многочисленные двигательные операции, завершавшиеся сложным результатом, а именно — получением острия, боковых лезвий, двух обработанных поверхностей, пятки для держания в руке, организовывались в некоторую систему уже путем зачаточной мыслительной работы.

Огромные пространства были завоеваны древнейшими людьми. Этот факт, равно как и использование ими огня, лучше согласуется с гипотезой о зарождающемся разуме, чем о зашедшем в тупик инстинкте.

Однако очень трудно согласиться и с противоположной точкой зрения, а именно с тем, что ничего существенно нового не произошло с появлением человека современного типа. Археологические и антропологические данные показывают, что относительная устойчивость видового комплекса признаков возникает у человека только вместе с поздним палеолитом. Только начиная с *Homo sapiens* исторический процесс, развитие общества и все убыстряющийся рост производительных сил полностью освобождаются от своей обусловленности морфологической эволюцией человека и новые социальные закономерности развертываются с полной мощью.

Наращение в процессе эволюции характерных для человека новых особенностей не могло не привести на заключительном этапе к огромным качественным изменениям в жизни человечества, к множеству новых явлений. Разные дали открываются с подножья горы и с ее вершины. Зачаточная человечность синантропа и полный ее расцвет у кроманьонца не менее отличаются друг от друга, чем полоска едва брезжащей зари — от солнца, пылающего в зените, и различие не исчезает оттого, что это все то же солнце и все та же человечность.

¹⁰ С. М. Блинков, Особенности строения большого мозга человека. Височная доля человека и обезьян, М., 1955.